

«Я ель упрямую не режу, а лишь – надстраиваю дом»

Павел КУРАВСКИЙ в 2002 году окончил журфак НГУ (диплом выполнен по журналистике Сергея Довлатова). Преполагает в родном вузе. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Многолетняя работа в СМИ, в том числе на радиостанциях «Европа Плюс», «Русское Радио» и других, вооружила незаменимым опытом для создания собственных литературных произведений, поэтический талант определил всё остальное. Последнюю книгу Павла Куравского «Ысык-Куль: К тебе и от тебя» (2019) открывает следующая авторская ремарка: «Идея этой книги – дневника лирического путешествия – родилась за пять минут, а сама книга создавалась более двадцати лет. Это был собственный непростой путь через горы и пустыни творчества. Надеюсь, у этого пути ещё есть продолжение». Редколлегия Литературных страниц Бумеранга разделяет эти надежды. Того же ожидаем и от наших читателей.

Приговорённый к высшей эре

Я вижу: тени идут назад.
Алексей Ачаир

Стоял сентябрь 79-ого.
Жара была в Сибири, как в Сахаре.
Из чувства, не вполне самим
понятого,
Родители мои семьёю стали.
Глазастые округлые автобусы
Возили их домой и на работу,
А школоты тащила гладилочка,
Хотя в жару учиться неохота.
Десятилетье минуло с Даманского –
Страна жила спокойна, и готова
К премьере сериала уркаганского
О подвигах Шарапова с Желтым.
И сам Высоцкий пел в аудиториях,
Вовсю живой, хотя и подуставший.
И Даль – на сцене, и Дассен –
в «Астории»,
И Леннон – жив. Таков был мир
тогдашний.
Вот это слово – мир – и будет
главное.

Все помнили, что войны –
не игрушки.
А если спецбригада –
то с Харламовым
На острие, и из орудий – клюшки.
Осенний мир – он был безбрежен
вроде бы.
Казалось, неба не было бездонной.
Не дай вам Бог увидеть гибель
Родины,
Которая кормила вас с ладоней.
В Кабуле Тараки в расход пустили – и
Всё завертелось, как в киношальмане.
В медалях, братцы, Соколов
с Устиновым
За всех ребят, оставшихся в Афгане!
Дворы пустели – «Холодильник»
полнился.
И года не прошло, как сняли ранцы,
А уж под полубокс остригли волосы
И назывались гордо – новобранцы.

Да, их вбирала новая история,
И за звеном звено тянула беда:
Недо-победа, недо-перестроили,
Недо-Союз, не-нерушимый, недо...
Я никогда не покорялся мистике
(Хотя фантомного не исключая),
И что-то есть из области софистики
В моей непонимающей печали,
Но вас прошу понять – ну, хоть
попробовать

Понять всю катастрофу наважденья:
Он рухнул, старый мир,
представьте – ровно ведь
В том сентябре, в день моего
рождения!..

Утраты цепко жизнь мою опутали,
Сопровождают неотступно, стойко.
Спасибо, Господи, за то, что трудно
мне,

За то, что испытаний – столько,
За правого меня и виноватого,
Способного и помнить, и писать,
За тот сентябрь 79-ого –
Тысячелетие назад.

Парад народного единства

За 7-е ноября –
День Парада 1941 года –
и против новодельного 4-го ноября.

Мой прадед Коля (из-под Пензы)
Лёг в 41-ом за Можайск.
На нём тогда споткнулись немцы,
Сгребая красный урожай.

Мой прадед Лёша, из хопёрских,
Гнал этих немцев до Двины.
Осколки жгли, как хлещут розги –
Два года прожил он с войны.

Мой польский прадед Анджей Шацкий
С тяжёлой раной в кадыке
Атаковал Рейхстаг и Ланквиц
От милой Волги вдалеке.

Мой прадед по еврейской части,
Саул, к войне уже был стар.
Саулу отрядили власти
Госпитала и комсостав.

О, прадеды кровей российских,
Скажу и много лет спустя:
Во всех своих Россия смыслах
На ваших держится костях.

А мы всё что-то учреждаем –
Бездарное, не на века.
В себе охотно побеждаем
Неочевидного врага.

Какое радостное свинство –
Быть праздным на чужой крови!
Моё народное единство –
Не из кремлёвской головы.

Оно – из мест, где каждый мускул
Звенел, но дрался молодцом,
Где каждый был солдатом русским,
Советской армии бойцом.

Тренд-бренд-Пушкин

(мемориальным табличкам
на московских зданиях
посвящается)

...в эпоху, когда движение души
принято называть трендом,
образ – брендом, а всё остальное –
контентом, Пушкинский
монумент стоит крепко.

Критик Арсений Замостьянов

Что, что здесь написали?
Пушкин жил?
Вот в этом доме,
сайдингом обшитом?
Торговом, уютном, необжитом,
В котором жить не станут даже вши?!

Он здесь бывал? И даже, видно, спал
Под этой вот металлочерепицей?
Стеклопакет, бывало, открывал,
И вонь вдыхал от шаурмы и пиццы.

Вот тут гулял? (Ильинский, что ли,
сквер...)
Под стометровым антиперсперантом?
Он в свете был изысканных манер,
И пользовался он дезодорантом,

Но были то иные времена
И нравы. По интимному ранжиру,
Тогда подмышки не открыли б на
Всеобозренье городу и миру.

Он – тренд, он – бренд, трень-брень...
белиберда!
С туристов снять бабло – простое
средство.

И это есть огромная беда:
Наследие мы сделали наследством.

Кинотеатр Пушкин, ресторан,
С его портретом – «взрослые»
игрушки,
И церковь тут как тут – Никитский
храм
Берёт рекламкой: «Здесь венчался
Пушкин».

Снимите эти лживые слова –
Плохой эпитафия к первому поэту!
У Пушкина была не та Москва.
Как раз, вернее, ТА была, не эта.

Мгновенья остаются – не века –
До смерти, что придёт наверняка.
Пока ещё такого не бывало,
Чтоб не легла на нас её рука.

Хотя принять такое не легко –
Живу и, обжигаясь молоком,
Ни на воду не дую, ни на водку.
Всё больше – залпом, кувырком,
бегом.

Пишу стихи, чем, Господи, прости,
Пытаюсь от забвения спасти
Свою одну-единственную душу –
Я за неё в ответе и в пути.

Я не боюсь таинственного дня,
Когда руки мне будет не поднять.
Пишу тебе я, Господи, и знаю:
Бессмертье начинается с меня.

Витражное окно клинической
больницы
Всё в пятнах ото лбов и
от тревожных рук –
На верхнем этаже, где штат
не суетится,

Поэтому стекло никак не ототрут.
Я в первый день взглянул на эти
негативы,
На мутные следы от чих-то лбов
и щёк,
Но не сумел прочесть, и стало мне
противно,

И я от витража брезгливо отошёл.
...под капельницей свой
кинематограф жизни
По кадру процедишь, по капле –
от и до.

В локтях ни вены нет, и колют
прямо в кисти
Глюкозу, панангин, гептрал и
мексидол.

Но всё же для меня дни временные
эти –
Болезненный подъём
с мучительного дна,
А кто-то здесь – жилец, и не жилец
на свете,
Уткнувшись, в мир глядит
из верхнего окна.
Как стыдно мне страдать на фоне
привидений
За синяки своей исколотой руки,
Когда вокруг, вдоль стен, струятся
люди-тени.
Сосуды и сердца тонки, как лепестки.
В последний вечер я поднялся
на десятой,
Уставился в Сибирь, в мороз её
и мглу,
И, отыскав пробел среди понятных
пятен,
Я прислонился лбом к холодному
стеклу.

По крыше человек стучит,
Сбивает лёд кайлом.
Сугробов намело в ночи –
Не взять и напролом!

От схода снега или льда
Спасает дворник нас,
И в этих праведных трудах
Поэту спать не даст.

Бессонница моя крепка,
Хоть плачь, а хоть кричи.
К утру задремлешь кое-как –
А он уже стучит.

Стучи, стучи, наш добрый друг,
Спасай от травм людей.
Сегодня твой ударный труд
Сверх моего нужней.

А я покаду воспою,
Как сокрушал ты лёд,
И после как-нибудь посплю –
Когда зима пройдёт.

Юлии Пивоваровой

Над Золотою Нивой – чайки,
Так запросто, как над рекой...
Какой их занесло случайной
Высокой ветреной волной?

Кружат, кружатся чайки, чайки –
Не вскрикнут, не поговорят...
Их угловатые нунчаки
Над пыльным городом парят.

О, как же вы ошиблись, птички!
Асфальтовое наше дно –
Не пляж, и грустная вы притча
О том, чего нам не дано.

Два гребня пены океанской,
Два светлых кливера вдали –
Как флаги либертарианства
Над каменной тюрьмой земли.

Вы всматривайтесь в нас, случайте,
Не отводите цепких глаз!
Кружите здесь, кружитесь, чайки –
Кружите нас, спасайте нас...

Примета

Ель не должна быть выше дома –
Гласит примета старины;
Переросла – и жди содома:
Несчастья, голода, войны...

С годами суеверья реже,
Но, помня о завете том,
Я ель упрямую не режу,
А лишь – надстраиваю дом.

У книжной полки

Про сказки для детей и взрослых

Талантливого немецкого писателя-романтика Эрнста Теодора Гофмана по чистой случайности или, вернее, из-за сказки «Щелкунчик и мышиный король», зачислили в ряды детских сказочников.

разнообразной читательской аудитории, издательство «ОЛМА» так оформило сборник «Сказки Гофмана», что он скорее напоминает художественный альбом и по качеству бумаги (волшебной и шелковой), и по оформлению страниц, и по наполненности иллюстрация-

ми. Здесь мы можем встретить работы разных художников, начиная от Леонардо да Винчи, до шведского художника Карла Ларсона, творившего на стыке XIX и XX веков (его сыновей мы видим на обложке книги, как раз в костюмах к истории о Щелкунчике).

Просмотр и чтение сказок из этого сборника может стать процессом увлекательным, волнующим и прекрасным поводом провести время с ребенком.

Признаюсь, некоторые картины на страницах книги стали или открытием, или удивительной находкой для меня. В этом видится магия книги, всегда открывающая нам двери восприятия в новые, пока ещё закрытые, миры.

Наталья Трегуб,
зав. библиотекой ДУ СО РАН

Да, в этих историях переплетаются реальность и мистика, сталкиваются миры – земной и волшебный. Тайны, загадки, фантастические существа – всё это можно причислить к атрибутам сказки, но манера повествования и нетривиальные сюжеты очень отличают Гофмана от других писателей, сочинявших и сочиняющих сказки. Как бы в подтверждение необычности его сказок-историй и